ПРАВОСЛАВИЕ • ТРАДИЦИИ • ЛЮДИ

В.Н. Крупин

АФОН

Стояние в молитве

Владимир Николаевич Крупин

Афон. Стояние в молитве

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=437725
Крупин В.Н. Афон. Стояние в молитве: Вече; Москва; 2010
ISBN 978-5-9533-4612-2

Аннотация

Афон... При этом слове слышится небесный звук чистой молитвы… Святая гора Афон – земной удел Божией Матери. Исключительно иноческая страна, монашеская обитель, соединившая в себе двадцать монастырей. Это сердце и душа Православия. Здесь особенно чувствуется присутствие Божие. После храма Гроба Господня в Иерусалиме – это главное место в мире. Почему? Если бы не молитвы Афона, мир давно провалился бы в черные дыры безбожия. И приехать сюда можно только с единственной целью – помолиться Богу.

Содержание

Удел Божией матери 4
Отверзающая райские двери 6
Нет в мире сирот 7
Обители небесной вратарницы 8
Хиландар 9
Иверон 10
Ватопед 11
Зограф 12
Карея 13
Благоговеть перед тайной 14
Часть государства, но особая 15
Пейзаж сотворения мира 17
Но до красот ли монахам? 18
День смерти – это день рождения 19
Патриаршие, ставропигиальные 20
Святой Петр 21
Созидаются обители 22
Святой Афанасий 24
Отец русского иночества 26
Монастыри-братья 27
Захват Константинополя 29
Расцвет монашеской жизни 31
Два Григория 32
Григорий Синаит 32
Второй Григорий – Григорий Палама 34
Блаженный Арсений 36
Первый русский скитоначальник 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

В.Н. Крупин
Афон. Стояние в молитве

Кто расскажет о трудах ваших, блаженные отцы? Кто достойно воспоет подвиги ваши – трезвение ума, непрестанную молитву, болезненное мученичество совести ради добродетелей, изнурение тела, совлечение страстей, всенощные стояния, вечнотекущие слезы, распинание втайне, смирение ума, победы над бесами, множество даров?..

О сонм преподобных, освященный в Боге и возжелавший Его! О богоносный пчельник, собравший в расщелинах и пещерах Святой Горы, как бы в ульях умных, сладчайший мед безмолвия! Троицы услада! Богородицы украшение! Афона похвало! И Вселенной свято чтимые! Предстательствуйте пред Господом о помиловании душ наших!
Святой Никодим Святогорец

Удел Божией матери

Многие места нашей земли напоминают красоту Дня Творения, но особенно чувствуется присутствие Божие в мире здесь, в Греции. Здесь все говорит о Господе: море, полное тайн, горы, скрывшие свои склоны травами, кустарниками, деревьями и цветами, и небо, настолько драгоценно-изумрудное, что голубизна его не дается никакой кисти. Когда восходит, по Божией милости, солнце, то кажется, что небо стекает в море, а море поднимается в небо.

А главное место Греции для нас – это Святая Гора Афон. По свидетельству космонавтов, которые летают в космосе над планетой, Афон всегда сияет, даже и тогда, когда кругом его облачность.

Святая Гора Афон – удел Божией Матери. После храма Гроба Господня в Иерусалиме – это главное место в мире. Почему? Если бы не молитвы Афона, мир давно бы провалился в черные дыры безбожия.

Был ли ты или не был на Афоне, все равно при этом слове слышится небесный звук чистой молитвы.

В отверстое над Елеонской горой небо вознесся Воскресший Иисус Христос. Его приход на землю был последней милостью Господа, показавшего пути спасения. Об этих путях и должны были поведать миру Его ученики. Рассказать и об обетовании Второго пришествия, при котором уже не будет вразумления грешников, а грянет Божий Суд.

В «Деяниях апостолов» рассказывается, как ученики Христа собрались по Его Вознесении в Сионской горнице, которая помнила и чин умовения ног и Тайную вечерю, и как на них снизошел Дух Божий. «И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились, и явились им разделяющиеся языки, как огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго…» (Деян. 2, 2 – 4). После проповеди Петра к апостольской церкви «присоединилось в тот день душ около трех тысяч». (Деян. 2 – 41).

Апостолы, получившие такой святой дар, решили понести Его вместе с Благой вестью о Воскресшем Христе и в другие земные пределы. Узнать же, кому куда идти, они решили с помощью жребия. Божия Матерь пришла участвовать в жеребьевке. Ее отговаривали, но она не хотела никакого особого отношения к себе и пожелала участвовать в трудах апостольских. Ей выпала Иверия. Но не успела Божия Матерь собраться в дорогу, как Божий ангел (в цер-

ковном предании архангел Благовещения Гавриил) возвестил Ей волю Божию – пребывать пока в Иерусалиме, а там Сам Господь укажет Ей страну для поучения заблудших.

Тем временем Она, сопровождаемая учеником Иисуса Иоанном Богословом, усыновленным Ею при Кресте на Голгофе, отправилась на остров Кипр, чтобы увидеться с Лазарем. Это тот Лазарь «четвородневный», на могиле которого написаны два поразительных по своей простоте слова: «Друг Христа», брат праведных сестер Марфы и Марии. Лазаря хотели убить иудеи, пылая злобой ко Христу и надеясь уничтожить чудо Воскрешения, вспоминаемое нами в Лазареву субботу Великого поста. Лазарь скрылся, затем апостолом Варнавою был рукоположен в епископы и служил на Кипре. Он писал оттуда к Божией Матери, зовя навестить его, так как по-прежнему была опасность преследования со стороны иудеев и он опасался сам прибыть в Иерусалим.

Корабль, внезапно поднявшимся ветром несколько дней гонит в сторону от Кипра, по Эгейскому морю, и прибивает к северо-восточной стороне греческого полуострова Халкидики, к его еще более малому полуострову Афон. Место выхода Пречистой Девы там, где ныне монастырь Иверской иконы Божией Матери. В то время там было идольское капище. По сведениям древних источников, идолы подняли свой предсмертный крик, рушились. Люди бежали к берегу, встречая корабль.

«Сие место будет Мне в жребий, данный Мне от Сына и Бога Моего, – сказала Божия Матерь. – Благодать Божия да пребудет на месте сем». Было это промыслительное событие в сорок четвертом году от Рождества Христова.

Пророческие слова об Афоне сбылись с совершенной точностью. Афон, земной удел Божией Матери, стал исключительно иноческой страной, монашеской обителью, соединившей в себе двадцать монастырей. Во мнении общественном он воспринимается не полуостровом, а самостоятельным островом, куда можно приехать только с одной целью – молиться Богу. Все остальное – от лукавого.

Отверзающая райские двери

Благодать Божия, предсказанная Божией Матерью, Которую на Афоне именуют Защитницей, Попечительницей, Заступницей, никогда не уходила от Афона. Все было в эти столетия: нашествия врагов, разорения монастырей, гибель монахов, голод и холод, но, спросим, а в остальном мире что? Государства исчезали, империи рушились, религии возникали и растворялись, а уж сколько было учений, идеологий, всяких аттил, чингиз-ханов, наполеонов, марксов, лениных, троцких… Сколько неверных, тупиковых, путей пройдено человечеством от человеческой гордыни, а Афон стоит! Ибо стоит на скальной основе веры Православной, смирения и терпения. Другого объяснения прочного стояния Афона в мире нет. Случись что с ним – это будет вселенская катастрофа. Враг нашего спасения отлично это понимает и насылает все новые и новые напасти на монашескую республику. Но разбивается о крепость афонской молитвы. А крепость этой молитвы идет от Заступницы усердной рода христианского – Божией Матери. И наименование Божией Матери высоким именем Вратарницы произошло здесь же. Это не просто Хранящая врата афонских обителей Неусыпная стража, но и двери в райские пределы Отверзающая. Дивно, отрадно слышать здесь Акафист Пресвятой Богородице в честь иконы Ея Иверской. Идет по простору храма, как по морской глади, раскатистой волной славословие согласными голосами, единым сердцем, «едиными усты»: «Радуйся, во всяких нуждах скорое вспоможение, радуйся, в печалях быстрое услышание. Радуйся, от огня, меча и нашествия иноплеменных нас избавляющая, радуйся, от глада и напрасныя смерти нас свобождающая… Радуйся, благая Вратарнице, двери райския верным отверзающая».

Верным. Но кто более верен Царице Небесной, нежели монахи Святой Горы?

Нет в мире сирот

Нет в мире сирот. Это главное счастье нашей земной жизни. Мы теряем отцов и матерей, но не сиротеем: всех нас усыновила при Кресте Сына Своего Пресвятая Богородица. Уходящие из мира в монастырь покидают навсегда своих земных матерей, но не остаются сиротами.

Мы стоим с монахом на высоком берегу.

– Море и земля и вся, яже в них, – обводит он рукой пространство. – И все Богом создано, и все к Нему, и все от Него, и все Им.

Мне хочется задать вопрос о его матери, родне по крови, только не смею и говорю:

– Грехи ваши ничтожны по сравнению с нашими, зело гнусно нас оплетшими, – вспоминаю я читанное из Святых Отцов. – И мы к вам притекаем, прося ваших молитв.

– Слаба и наша молитва, – говорит монах. – Одна надежда на Пресвятую Матерь Божию.

Он говорит, что слаба, и говорит искренне, но если молитва и здесь слаба, то где же она сильна? Именно на Афоне слышит нас Господь, и именно монахи Афона лучше всех знают, как, за что и за кого молиться. Почему такая уверенность? Отвечает святой Симеон Новый Богослов:

«Монахи не находятся на земле, хотя и держимы землею, но живут в свете будущего века».

Вспоминаю и преподобного Памву, подвижника горы Нитрийской, смиреннейшего из монахов, воспитавшего многих великих старцев. С несколькими братиями святой шел в Александрию по просьбе святителя Афанасия. Около храма сидели люди, не обратившие на монахов никакого внимания. Святой Памва, небывалый случай, возмутился и повелительно сказал мирянам: «Встаньте и приветствуйте монахов с почтением, просите у них благословения. Они беседуют с Богом и уста их священны».

Монахи уже прошли то, что нам еще предстоит пройти, – оборвать крепкие привязки к вещественному миру. Монахи над нами. Много раз я ощущал это до прилива благодарных слез – я, грешный, сподобился стоять рядом и молиться с молитвенниками за весь род людской. Вот они входят в храм, берут объемные тетради с тысячами и тысячами имен и оглашают их для небес, моля о прощении грехов неразумных тварей Божиих. Молятся о нас с вами, ныне живущих и способных еще спастись. А молитв о упокоении еще больше. Озаряет восковая свеча седую бороду, склоненное лицо, мантию и еле уловимое движение губ, шепчущих читаемые глазами имена.

Обители небесной вратарницы

На Афоне нет ни одного монастыря, не осененного милостию Небесной покровительницы. От Божественного лика Пречистой на святых иконах всегда исходили вразумления и наставления.

А иногда вразумление было и иным образом. Кажется, даже искусство фотографии Господь попустил открыть только для того, чтобы миру было явлено это, скрытое от наших земных глаз, чудо.

Начало двадцатого века. В монастыри стекаются нищие, не имеющие пропитания. Как и во все века здесь кормят страждущих. Но и в монастырях запасы муки для хлеба истощаются. Игумен Свято-Пантелеимонова монастыря распоряжается хлеб сегодня раздать, а на завтра всех предупредить, что больше хлеба не будет. Фотограф снимает огромную очередь за подаянием. В тот же день проявляет и печатает снимки. На одном из них совершенно явственно видна женщина в черном покрывале, стоящая в очереди и получившая подаяние. Потрясенная братия вглядывается в фотографию. Сомнений нет – Сама Царица Небесная вразумляет монахов заботиться о голодных. Игумен распоряжается – выдавать хлеб, пока есть мука. И назавтра, по Божией милости, муку привозят купцы, решившие не продавать ее, а отдать обители на спасение души.

В сентябре на Афоне вспоминают образ Божией Матери «Светописанная».В конце книги мы расскажем об этом подробнее.

Память об умножении запасов муки, вина и елея, по молитвам к Божией Матери, хранят монастыри Ватопед и Пантократор. Да и в любом монастыре живут предания о заступничестве Божией Матери. Вот некоторые их них.

Хиландар

Предание, живущее в Хиландарской обители, объясняет, почему Божию Матерь называют Игуменией Святой Горы. В Хиландаре хранится икона Божией Матери «Троеручица», та самая, пред которою молился и исцелел святой Иоанн Дамаскин. Однажды, после кончины настоятеля, в монастыре пошли нестроения, несогласия по поводу нового игумена. И тут случилось нечто вразумляющее: братия, собравшись на молебен, не увидели иконы на своем месте в алтаре. Она стояла на игуменском. Отнесли икону в алтарь. На следующее утро икона вновь была на игуменском месте. Храм же, все это знали наверное, был заперт. Тут и наступило вразумление: Сама Божия Матерь является игуменией монастыря. И выбрали только наместника.

Иверон

Иверская обитель спасена Божией Матерью в Средневековье явным образом. Персидское войско под командованием Амиры, на пятнадцати кораблях, пристало к берегу. Иноки, захвативши, сколько успели, утвари и сосудов церковных, укрылись в наиболее крепкой башне. Враги грабили обитель, хотели обрушить столпы храма, но не успели в тот день и вернулись на корабли. Надо ли говорить, что иноки усердно молились Своей Заступнице. Была тихая погода, ничто не предвещало бури, и вдруг она поднялась, да такая, что суда разметало и потопило. Амира уцелел, но уцелел именно для того, чтобы показать необоримость веры христианской. Оплакав своих воинов, посыпав голову пеплом, на коленях просил иноков принять его в обитель и принес огромный вклад драгоценностей, на который были возведены крепкие стены обители.

Ватопед

Разбойники тайно подошли к Ватопеду с вечера и укрылись в кустах. Но Божия Матерь не попустила им разграбить обитель. Настоятель услышал голос, исходящий от иконы Божией Матери: «Не отверзайте сего дня врат обители, но взойдите на стены и прогоните разбойников». Пораженный таким чудом настоятель собрал братию, пересказал им слова Небесной Заступницы. Монахи пришли к иконе и, к изумлению своему, увидели, что очертание иконы стало другим. Тогда же они вооружились и поднялись на стены. Разбойники, видя, что они изобличены, отступили.

Зограф

Вблизи Зографского монастыря уединенно жил старец. «Радуйся», – говорил он, обращась к иконе Богородицы. «Радуйся и ты, старец Божий», – услышал он. Старец затрепетал и принял повеление идти в монастырь сказать, что враги Христа скоро нападут на Зограф. «Кто слаб в духе, пусть скрывается, пока пройдет искушение, но желающие страдальческих венцов пусть остаются. Поспеши же». Едва старец вступил в монастырские ворота, как увидел, что его келейная икона, пред которою он молился и от которой слышал голос, уже над вратами.

Врагами обители были на сей раз не разбойники, чающие грабежа и добычи, а ловцы душ, посланники Ватикана. Они убеждали, что у них добрые намерения, вот только одно надо, чтобы на Афоне признали папу римского главой церкви. В награду Афон получит груды золота. «У нас, – отвечали иноки, – Глава Церкви – Христос». «Так умирайте же!» – завопили латиняне, обложили стены башни, в которой укрылись иноки, хворостом и зажгли.

Предали в руки Господа свои чистые души иноки Зографа. А икона Божией Матери вскоре была открыта в пепле пожарища неповрежденной.

Карея

Особенно чтима на Афоне икона Божией Матери «Достойно есть». Ведь именно на Афоне был услышан и записан рукой самого архангела Гавриила полный текст этой молитвы.

Недалеко от центра Афона, от Кареи, в небольшой келлии жил старец. Он пошел к службе, а ученик-послушник остался и творил, по благословению, келейную молитву. Среди ночи к нему постучался незнакомый благообразный инок, и они стали вместе молиться. Оканчивая канон, послушник, по обычаю, читал молитву: «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слово рождшую, Сущую Богородицу Тя величаем». Но дивный гость поправил послушника и пропел молитву с иным началом: «Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего».

Послушник был растроган до слез и просил пришельца записать новую для него молитву. Но даже чернил и бумаги не оказалось в келье. Тогда гость попросил каменную плиту и начертал на ней своим перстом всю Богородичную песнь.

– Отныне навсегда пойте так и вы, и все православные христиане, – сказал небесный гость.

Инок узрел полное сходство гостя с архангелом Гавриилом, хотел еще что-то сказать ему, но тот стал невидим. Доска с начертанными словами молитвы была показана собору старцев Святой Горы. С тех пор ангельская песнь «Достойно есть» вошла в общецерковное употребление.

Благоговеть перед тайной

Монашеская жизнь – тайна. Мы, люди обычной жизни, видим монахов в церкви, на послушаниях, в трапезной. Вот, пожалуй, и все. И никому не дано проникнуть в мир монашеской души. Более того, неохотно монахи рассказывают не только о себе, но и о своей обители. Поучительна история монаха Афона Нила Мироточивого. По его молитвам происходили исцеления больных, вразумления заблудших. Исцеленные и их знакомые создавали вокруг имени Нила легенды. Но он всегда уходил от мирской славы. По его земной кончине его мощи стали обильно мироточить, и люди, естественно, потянулись за лекарством для души и тела. Мироточение было обильным, и наплыв желающих получить миро становился все более многочисленным. Тогда ученик преподобного сказал своему учителю: «Я знаю, как ты бегал от мирской славы, но вот она тебя настигла». И что же? Мироточение прекратилось. Это очень краткий пересказ жития преподобного, но сказанного достаточно, чтобы увидеть, насколько монахи не дорожат публичностью, более того, настоятельно избегают известности. Например, не хотят фотографироваться. Они ушли из мира и не хотят возвращаться в него даже своим изображением. Именно афонцам хочется, чтобы флагманский корабль монашества шел по морю современности необремененным мирской, отягчающей славой.

Пишущие об Афоне сходятся во мнении, что нет точной даты заселения полуострова. Гора упоминается даже в «Илиаде» Гомера. В первые века Новозаветного времени, после того, как сюда ступила Божия Матерь, здесь селились монахи-одиночки, отшельники, пещеры которых обнаруживали в последующие времена, изумляясь их многочисленности. Несомненно, тут были и палестинские, и синайские, и египетские молитвенники, ученики великих Антония, Павла, Макария, других духоносных старцев первых веков.

Добавим, что нашествия диких язычников, самоуверенных мусульман, образованных папистов уничтожили многие документы афонской древности, и только с десятого века есть письменные источники, отчего одни говорят, что начало монашеской жизни на Афоне началось лишь со времен Константина Великого. Известно, что храм Успения Пресвятой Богородицы в Карее отстроен при Константине Великом, а разрушен при Юлиане Отступнике. Это четвертый век. А вновь возведен при императоре Никифоре Фоке уже в десятом веке. Несомненен и факт свержения идола с самой высокой горы еще в первом веке. На этом месте стоит храм Преображения Господня. Служат в нем раз в год, ибо он труднодосягаем. Это Фаворская гора Афона. Иногда, в ясный день, вершина ее предстает как драгоценный камень в оправе гранитных гор. Сияет в солнечную погоду и скрывается туманом в ненастье. А иногда бывает такое чудо – храм плывет выше туч, отделясь от земли, и стоит как будто на воздухе, как невесомый. Зрелище, восторгающее душу к горним пределам.

Афон – это навсегда. Не видел его – тянешься к нему. Увидел – никогда не забудешь. Двенадцатилетним отроком тайно пришел сюда один из самых почитаемых в Греции духовников, будущий старец Порфирий (Байрактарис), пробыл тут семь лет в скиту Кавсокаливит, а потом … шестьдесят девять лет пробыл вдали от Афона, служил священником в больнице Афин, уходил в уединение, организовал женский монастырь Преображения Господня, в котором был наставником, и за несколько месяцев до кончины, предчувствуя ее, вернулся на Афон. Это было совсем недавно (1991 г.). Старца Порфирия мы вспомнили, чтобы примером его жизни показать неодолимую тягу к Святой Горе. И еще вспомнить наставления старца: «Кто молится лишь о себе, совершает большую ошибку». Сказано это в первую очередь об афонской молитве.

Часть государства, но особая

Афон – сердце и душа Православия. Вместе с тем это часть Греческого государства. Часть совершенно особая. Статус Святой Горы закреплен в Конституции Греции в статьях 109 – 112. Сделаем выписки, показывающие эту особость:

«Афонский полуостров… является в соответствии со своим древним привилигированным положением самоуправляющейся частью Греческого государства, суверенитет которого над ним остается неприкосновенным. …Все монашествующие на ней приобретают греческое гражданство без каких-либо формальностей, как только они принимаются в число монахов или послушников. Святая Гора в соответствии со своим установленным порядком управляется двадцатью ее Священными монастырями, между которыми поделен весь Афонский полуостров, и ее земля не подлежит отчуждению. Управление осуществляется представителями Священных монастырей, составляющими Священный Кинот. Категорически запрещается какое-то бы ни было изменение системы управления или количества монастырей Святой Горы, их иерархического строя и их взаимоотношений с зависящими от них учреждениями. На ее территории запрещается пребывание иноверцев или раскольников». По Конституции государство берет на себя «исключительное право поддержания общественного порядка и безопасности» на Святой Горе.

И вот, когда видишь в сегодняшнем мире постоянные нападки на Афон, особенно со стороны демократических женских движений, как будто для них не указ слова Божией Матери, или со стороны бизнесменов, которые видят только мрамор Афона да его живописные берега и чистейшее, омывающее их море, то диву даешься. Видимо, и Конституция государства не для них писана. Демонстрации эмансипированных женщин-суфражисток часто происходят на причале Уранополиса – греческого города, откуда уходят и куда приходят монашеские корабли. Вспоминается, как такие демонстрации встречали монахов, сопровождавших святые мощи всехвального первозванного апостола Андрея, мощи святого великомученика и целителя Пантелеимона и мощи святой равноапостольной Марии Магдалины. А часто и без всякого повода неистовые ревнительницы женского равноправия выходят на причал, чтобы в очередной раз покричать о том, что нет на Афоне демократии. Какая несправедливость!

А у бизнесменов есть выражение: снимать доходы. С перепродаж и продаж, с жилплощади, с рынка… Стоя на палубе теплохода, огибающего полуостров, один такой предприниматель все ахал, все изумлялся красотам Афона и восклицал: «Да тут с каждого километра можно в сезон по миллиону долларов снимать!» Когда же ему пытались втолковать особость и единственность Афона и его неподчиненность светским законам, он это никак не мог понять.

– Пусть и молятся, – упирался он, – кто им помешает? Молятся, в нашу сторону пусть не глядят. Места хватит. Им же и доходы будем отстегивать. Когда кто и с курорта к ним заглянет, свечку купит. Да они ж еще и мрамором могли бы торговать. На золоте сидят и не понимают своего счастья.

О мраморе этот бизнесмен точно заметил – весь Афон стоит на мраморном основании как на драгоценном пьедестале. Еще и в этом мы читаем Божий промысл – предоставить место для чистой молитвы совершенно особое, единственное. Но это может понять только верующий человек. Чаще мы сталкиваемся с почти полным, безнадежно глухим отрицанием монашеской республики. Это, к сожалению, есть и в Греции, и за ее пределами.

Вот, к примеру, в Греции были Олимпийские Игры. Ведь и сама Греция – родоначальница этих Игр. Но какие же нападения испытала тогда Святая Гора. На нее рвались и бегуны и прыгуны обоих полов. Пресса визжала, цитируя апостола Павла, что нет для Господа ни

эллина, ни иудея, ни мужеска, ни женска пола. Европарламент выделял изрядную сумму тем монастырям, кои согласятся принять у себя женщин-паломниц. «Это, – сказали афонцы, – дьявольская уловка». Устоял Афон и перед олимпийцами и, даст Бог, устоит пред любыми нашествиями соблазнов сего века и будущего.

Будем надеяться, что наш посильный труд послужит просвещению заблудших и закосневших в одностороннем, только материальном истолковании мира. По дьявольскому наущению внедряются в умы людей мысли, что бытие определяет сознание, что базисом жизни – материальный мир, а надстройкой (слово нашли) – духовность. Тут все поставлено с ног на голову. Вначале же было Слово, Дух Святый, потом материальный, вначале допотопный, мир. Тело каждого человека пришло из земли и уйдет в землю, а душа будет продолжать жить. Как? Ликовать с ангелами или мучиться во аде, это зависит от наших дел в продолжении краткого нашего пребывания на земле.

Именно служить спасению души уходили и уходят на Афон православные люди.

Пейзаж сотворения мира

Подумать, столько копий ломается из-за совершенно крохотного участка земли. Если бы через полуостров протянуть дорогу, о которой тоже кричат неистовые поборники уничтожения монашества, то по этой дороге можно было б проскочить весь Афон за двадцать минут. Шестьдесят километров его длина. А в ширину всего ничего – от семи до девятнадцати километров. Полуостров Айон-Орос, как он значится на картах, возвышается из вод Эгейского моря с северо-запада на юго-восток. Вначале он более равнинный, затем всхолмливается, переходит в горную цепь и оканчивается значительным возвышением, возносимым к восходу солнца. Высота главной горы Афона, горы Преображения, свыше двух тысяч метров.

Склоны гор, долины, прибрежные земли необычайно богаты растительностью. Это сплошной ботанический сад. Это рай, и не меньше. В любое время года. Весной ошеломляющий, осязаемо плотный запах цветущих трав и кустарников. Розоватятся на рассвете и закате расцветающие деревья, кисейно белеют вишни в свой краткий двухнедельный срок, и как долго помнятся потом. Заявляют о себе и маслины, напоминая о Елеонской масличной горе, а как радостно раскрываются навстречу теплу груши, черешни, виноградники. Легко воспаряет над землей розовая пена цветущего миндаля, соперничает с белизной облаков цветущая яблоня, подолгу стоят над пространством красные свечки каштанов, беззаботно раскидывают свои широченные ветви крепкие платаны, а черешни уже показывают свои скороспелые плоды. Скромно цветет орех. Орехи, конечно, грецкие, учитывая место их нахождения. И вспоминается добрая, исцеляющая, шутка монаха Амвросия Оптинского: «Грех как грецкий орех – расколоть легко, выковырять трудно».

Но спелые орехи – это осень. Осень здесь такая долгая, что, кажется, никогда не придут холода, все время будет это золотое состояние торжества природы, эти крепкие дубовые листья, которые одновременно уже и под ногами и еще на ветвях, эти костры красно-оранжевых кленов, и наш родной русский шиповник, только плоды его сочнее и крупнее. Все такое полное, пришедшее в меру торжества созревания, что только и думаешь: «Господи, за что нам такое?»

Наш Свято-Пантелеимонов монастырь на юго-западной части острова, поэтому солнце приходит к нам после обеда и царствует до вечерних звезд. Море прямо-таки пылает на закате. А ночью, при полной луне, оно совсем золотое. Случаются и пасмурные дни, особенно зимой. Но, по русским понятиям, какая же это зима: выпал ночью снег, а к обеду и нет его, а к вечеру и вовсе тепло. Тем более, как ни облетают лиственные деревья и лиственницы, Афон всегда зеленый, цвета жизни, здесь много хвойных пород: ели, сосны, туя, много вересковых зарослей.

Но до красот ли монахам?

Летом жарко. Но все равно хорошо. Всегда найдется тенистое место, всегда утолит жажду вода из чистого, текущего из мраморных недр ручейка. Но нигде в монашеских трудах и рассказах нет описания красот Афона, любования ими. До красот ли монаху, когда он занят ежеминутно. Молитвы, послушания, снова молитвы, снова труды. Иногда очень тяжелые: строительство, погрузка, разгрузка, копание земли, работа на огородах и в садах, приготовление пищи, заготовка продуктов на зиму, – всего не перечесть. Но главный труд, это, конечно, молитва. Непрерывная, и совместная, и уединенная. И вот этой молитвы не увидишь, если сам не молишься. Идешь по тропинке – впереди мелькнул человек, идущий навстречу. Подходишь, а там нет никого. Спрятался, уклонился от встречи, чтобы не прерывать молитвенное состояние. Это состояние иногда улавливаешь в ночную, утреннюю или вечернюю пору в храме и понимаешь, насколько оно сильно. Молитвы те же, что слышал в обычных церквях, но как-то звучат они иначе. Серьезнее, неспешнее, проникновеннее. И монастырское монашеское пение тоже неповторимо, оно какое-то особое, единоустное, спокойное в своей всепобеждающей силе.

День смерти – это день рождения

Есть ли в нынешнее время святые на Афоне – вот вопрос всем побывавшим на Святой Горе. Лично я уверен, что есть. Хотя сам их не видел. А может, видел, но, по грехам своим и недостоинству, не понял, кто предо мною.

Но почему я так заявляю? Потому, что видел здесь и осознал главное в нашем мире – отношение к смерти. Мы ее боимся, а здесь день смерти – это день рождения в жизнь вечную. И понять без этого вразумления Афон невозможно. Вот попробуйте не бояться смерти. А здесь этот страх отступает. Смерть страшит привязанных к земному, а здесь никто не озабочен земным. Здесь все ничто: деньги, успех, известность, сила физическая, власть, даже и времени настоящего здесь нет. Как? И времени?

Да, и времени. Ведь время дано нам в наказание за первое грехопадение. Времени не было, и нет его у Бога. У Него все враз: настоящее, прошлое и будущее. А у нас и настоящего нет. Было утро, и нет его, вечер приближается.

А что такое афонская полночь? Это закат, это погружение солнца в глубины горизонта, это начало новых суток. Но и это не время, это сигнал колокольчику звать на молитву. Переливистый звук летит по коридорам, вскоре трель колокольчика подхватывает колокол на колокольне, но вот уже и колокольчик и колокол в прошлом, а в будущем то, что возглашается, поется и читается. И это летит в пропасть времени, а вечность все пред нами.

Монахи Афона постоянно устремлены в вечность.

Патриаршие, ставропигиальные

Афоном за долгие годы его вековечного стояния руководили и византийские императоры, и турецкие султаны, и константинопольские патриархи. Это внешне. Внутренне же Афон всегда жил своими преданиями, обычаями, традициями. Они были или закреплены в монастырских уставах или передавались изустно. Власти противились этому, но и монахи были непреклонны. Попробовали турки в 1860 году установить законодательство для Афона – не получилось. И следующие попытки провалились. Не хотело монашеское сообщество жить по светским указам. И добилось своего. В 1911 году афонские старцы определили «Главные канонизмы Святой Горы». Турецкое правительство не утвердило их, и, как будто в наказание за это, через год Афон стал греческим, а вскоре получил международное признание. Каждый год 10 мая вспоминается, как в этот день в 1924 году была принята «Уставная хартия Святой Горы Афонской», иначе известная как «Новый канонизм» или просто Устав. Устав этот, его 188 статей, утвержден правительством Греции и является основным документом Афона.

В нем названы в определенном порядке двадцать Священных Царских Патриарших ставропигиальных монастырей. Вот этот порядок, который сложился с давних пор:

ВЕЛИКАЯ ЛАВРА, во имя преподобного Афанасия Афонского.

ВАТОПЕД, в честь Благовещения Пресвятой Богородицы.

ИВЕРСКИЙ монастырь (Ивирон), в честь Успения Богородицы.

ХИЛАНДАР (Хилендарь), в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы.

ДИОНИСАТ (Преподобного Дионисия), в честь Рождества Святаго Иоанна Предтечи.

КУТЛУМУШ, в честь Преображения Господня.

ПАНТОКРАТОР, в честь Преображения Господня.

КСИРОПОТАМ, в честь сорока севастийских мучеников.

ЗОГРАФ («Живописец»), в честь великомученика Георгия Победоносца.

ДОХИАР, во имя святых Архангелов.

КАРАКАЛ, во имя апостолов Петра и Павла.

ФИЛОФЕЙ, в честь Благовещения Пресвятой Богородицы.

СИМОНОПЕТРА, в честь Рождества Христова.

СВЯТОГО ПАВЛА, в честь Сретения Господня.

СТАВРОНИКИТА, во имя святого чудотворца Николая.

КСЕНОФОНТ, во имя святого великомученика Георгия Победоносца.

ГРИГОРИАТ, во имя святого чудотворца Николая.

ЭСФИГМЕН, в честь Вознесения Христова.

РУССКИЙ ПАНТЕЛЕИМОНОВ («Россикон, Руссик»), в честь святого великомученика Пантелеимона.

КАСТАМОНИТ («Среди каштанов»), во имя святого первомученика Стефана.

Только эти двадцать монастырей имеют права собственности. Остальные: скиты, келлии, каливы, исихастирии – являются собственностью какого-либо монастыря. Впервые посещающие Афон изумляются величественностью скитов, часто превосходящих размерами постройки монастырей. Например, Андреевский, доныне поражающий своею мощью и какой-то основательностью, стоящий как крепость духа.

Святой Петр

Первым афонским святым, образ которого дошел до нас, считается преподобный Петр Афонский. В трапезной монастыря Хиландар – его изображение. Это совсем исхудавший старец с длиннейшими седыми волосами, высоким лбом, с пронзительным взглядом. Время его подвигов – первая половина девятого века.

Известно, что он из Византии. Имевший склонность к монашеской жизни, он не раз собирался уйти в монастырь. Но его не отпускали с царской службы. Широко образованный, смелый, он заслуженно достиг звания полководца. Во многих походах удача была на его стороне, но однажды, в тогдашней огромной Сирии, на границе Вавилона и Финикии, он потерпел поражение от варваров и был пленен. Его заточили в аравийскую крепость на берегу Евфрата. Тогда-то, оплакивая свою участь, он и вспомнил о своих обещаниях Богу стать монахом. Он молился любимому своему святому, святителю Николаю, архиепископу Мир Ликийских, и был им спасен. Также в Житии Петра Афонского говорится и об участии в его судьбе святого Симеона Богоприимца.

Святой Петр прославился даром чудотворений в Риме, был обласкан вниманием папы римского. Но бежал от славы человеческой, сел по наитию в корабль, идущий на восток, и предал себя воле Божией. Именно у Афона, несмотря на попутный ветер, корабль остановился, будто сел на мель. Нет, место было глубокое. «Чада моя, – спросил святой Петр у корабельщиков, – как называется эта гора?» Узнав, что это Афон, святой понял, что это то место, которое называл ему святитель Николай. «Высадите меня, – сказал Петр корабельщикам, – иначе вы не сдвинетесь с места». Его не хотели отпускать, но вмешательство Божие было совершенно явно, и они перевезли Петра на пустынный берег. Изгнавши молитвой диких животных и гадов из пещеры, святой обосновался на Афоне. И жил здесь оставшиеся ему пятьдесят три года. Как жил, чем питался? Житие говорит: «Телесная пища ему и на мысль не приходила. День и ночь возсылал он свои молитвы и благодарения Богу».

Множество нападений от демонов выдержал святой, но заступничеством Божией Матери не потерпел от них вреда.

По истечении долгого времени исполнились евангельские слова о том, что не может светильник остаться незамеченным. Господь открыл святого людям. Один охотник устремился за ланью, и она привела его к пещере святого. Охотник понял, что видит святого и со слезами молил исцелить его брата, одержимого нечистым духом. Петр запретил охотнику говорить кому-либо о нем, а больного брата просил привести к нему на следующий год. Охотник выполнил благословение. Спустя указанное время он пришел с братом к святому. Но уже не застал его в живых. Они увидели только мощи святого. Охотник безутешно рыдал, но чудо свершилось тут же. Лишь только братья приблизились к телу святого Петра, как демоны с горестными криками вышли из тела больного брата. Они вышли из уст в виде черноватого дыма, а мощи святого заблистали неземным сиянием. С великим благоговением охотники принесли цельбоносные мощи на корабль и хотели везти их с собою. Но против Климентовой пристани корабль остановился. Такова была воля Божия – наградить Климентовскую обитель, создаваемую в то время, святыми мощами Петра Афонского.

Созидаются обители

Как раз к девятому веку относится узаконивание владений монастырей. Доселе афониты благодарны преподобному Евфимию Новому и преподобному Иоанну Колову. Они отстаивали независимость Афона перед светскими властями. Преподобный Евфимий принял постриг на горе Олимп, жил в Фессалонике, но главное дело его жизни – Афон. Он нашел на Афоне большое количество монахов, но не монастырей. Монахи жили разрозненно, отшельнически и были безпомощны при нашествиях властей или просто грабителей. Вместе с преподобным Евфимием на Афоне подвизался преподобный Иоанн Колов. Он создал монастырь прямо на перешейке полуострова. Удобное место, плодородные земли притягивали в монастырь насельников. Афонские монахи добились через константинопольского императора передать обитель Св. Иоанна Колова в собственность тогда же создающемуся Иверскому монастырю.

Древнейший дошедший до нас императорский указ (хрисовул) об Афоне был издан в 883 году. По нему монахи освобождались от уплаты налогов на занимаемую ими землю, а не монахам запрещалось пасти скот на владениях монастырей. Но окончательное обозначение монашеских владений произошло в 942 году по указу императора Романа I. Он обозначил границу земель Афона по самому узкому месту полуострова, как раз у его начала, «от моря до моря». Более того, монахам приносились пожертвования, подобные тем, что получали уже существовавшие тогда монастыри в других местах империи. Можно сказать, шефствовал над Афоном константинопольский монастырь Мирелейон. Но и государственная казна свершала существенные выплаты. Деньгам был строгий учет, шли они в основном на строительство церковных зданий. Кормились же монахи от своих трудов.

Созидались обители, шла монашеская молитвенная жизнь. Но старцы понимали, что нужен центральный орган управления Афоном. Он необходим, чтобы решать различные хозяйственные вопросы: земельные, строительные, продовольственные, имущественные, транспортные, а главное, чтобы выработать единство богослужений, образ жизни. Из числа старцев выбирался руководитель – прот. С самого начала (середина десятого века) он помещался в Лавре, там, где доныне административный центр управления Афоном, Карея. Общее монашеское собрание – Протат – было высшей властью. Синаксис, так называлось это собрание, собиралось раз в год. Остальное время республикой руководил прот и совет игуменов при нем. Прот обладал решающей властью, занимался земельными владениями, к нему являлись новоприбывшие, он определял их судьбу, назначал хозяев келлий. Судебная власть на Афоне также принадлежала проту. Он утверждал избранных настоятелей, вручал игуменский посох.

Проту приходилось бывать в Константинополе для решения возникавших вопросов. Но высшей инстанцией для афонского главы был даже не Патриарх Константинопольский, а сам император.

На Афоне три раза в год происходили общие торжества – совместная молитва на великие праздники: Пасха, Рождество Христова и Успение Божией Матери.

Кроме совместной молитвы и общей трапезы в эти дни обсуждались накопленные вопросы.

К десятому веку относится созидание Великой Лавры Афона, свершенное преподобным Афанасием Афонским. Средства на строительство святой Афанасий получил от видного военачальника Никифора. Соборный храм Лавры в честь Благовещения Пресвятой Богородицы был освящен в 963 году. И именно в этот год военачальник Никифор стал императором Византии Никифором II Фокой.

Лавра преподобного Афанасия получила статут (звание) императорского монастыря. Для монахов Великой Лавры, а значит, и для всего Афона, преподобный Афанасий создал Устав (типикон) и «Завещание». Эти работы стали основой существования общежительных монастырей.

Святой Афанасий

Достойно рассказа жизнеописание святого Афанасия. Афонский патерик так начинает повествование его жития:

«Этого небесного человека, земного ангела, безсмертных похвал достойного мужа, в смертную жизнь ввел великий город Трапезунд, в науках возрастил Константинополь, а представили в нем жертву Богу Кимин и Афон». Тут перечислены места жизни святого. Отец его умер еще до рождения Афанасия, мать также, едва успеть вскормить его, отошла в вечность. Сироткой возрастал Авраамий, таково было его имя при крещении. Его воспитывала монахиня, подруга матери. В детских играх друзья его избирали не начальником, не царем, не атаманом, как это делают дети, выделяя из своей среды достойнейшего, а игуменом. Следует заметить, что многие его друзья детства и отрочества впоследствии стали иноками. Сиротство Авраамия умножилось: в семь лет отроду он потерял и свою приемную матерь. Но Божие смотрение за ним продолжалось, – Авраамия заметил и привез в Византию таможенный чиновник императора. Обучаясь там светским наукам, Авраамий образовывал себя и нравственно – уже молитва была неразлучна с ним. Даровитого юношу ввел в свой дом военачальник императора.

Авраамий жил очень скромно, постнически. Яства, которые посылали ему, он менял на простой ячменный хлеб, да и тот вкушал через два дня. Он и спал-то, сидя на стуле. И одежды, ему даримые, отдавал нищим, имел только верхнее платье, скрывая им свою наготу. Далее враг нашего спасения воздвигает на Авраамия злобу и корысть человеческую. А произошло так: царь приблизил к себе Авраамия, возвел на кафедру, сделал его равным учителю его, Афанасию, а тот, по слабости, возревновал, потому что к его ученику пошли толпы людей, желающих наставления в житейской мудрости.

Авраамий, не желая быть причиной раздоров, просил военачальника, в доме которого жил, взять его в поход. Тот как раз, по повелению императора, отправлялся на острова Эгейского моря. Вот тогда-то, с вершины острова Лемнос, святой Афанасий увидел Афонскую гору. Она просто притянула его к себе, и он положил в свое сердце намерение поселиться здесь.

Далее следуют годы проживания в малоазийском монастыре Кимин у святого Михаила Малеина, который и свершает пострижение Авраамия в Афанасия. Здесь-то и состоялось знакомство воеводы Востока Никифора со святым Афанасием. Михаил Малеин, будучи в преклонном возрасте, хотел видеть Афанасия своим преемником, но святой Афанасий в прямом смысле сбежал на Афон, который влек его с той поры, когда он его увидел издали. А теперь ступил на его землю. Подвиги монахов-пустынножителей восхищали душу от земли к небесному. Тогда афонцы не имели жилищ, сплетали себе из ветвей деревьев защиту от солнечных лучей, от холода, употребляли в пищу лишь травы, орехи, каштаны и овощи и непрестанно молились. Святой Афанасий поселился средь них, радуясь и благодаря Бога за дарованное счастье спасения души.

Между тем военачальник Никифор искал Афанасия, и нашел его с помощью брата Льва, тоже военачальника. Никифор просил Афанасия вернуться в Кимин, но Афанасий уже всем сердцем прикипел к Святой Горе Афонской и не желал ее покидать. Тем более и братия Афонская нашла в нем мудрого старца, которому несла свои горести и сомнения. Слава о монахе-прозорливце росла. Далее в Житии рассказ о благодеяниях Никифора Афанасию и Афону, о строительстве Лавры. Конечно, по молитвам святого Афанасия Никифор становится императором Византии.

Главное событие игуменства святого Афанасия – это, несомненно, явление ему Божией Матери. Именно от этого явления произошла традиция не ставить в монастырях экономов,

а только подэкономов. Ибо Сама Матерь Божия изрекла: «Я навсегда остаюсь домостроительницею, экономиссою, твоей Лавры».

В Житии святого Афанасия описываются многочисленные нападения на него духов злобы, то явно являющих свою ненависть, то подучающих иноков ополчаться на игумена. Во вразумление врага человеческого явилось ему однажды знамение – вся Гора Афонская полна иноков православных. Но от того еще более злобствовал нечистый. Превращал воду в обителях негодной для питья, но святой Афанасий своими молитвами соделывал ее пресной. Святой возстанавливал[1] болящих братий, благословлял выращивание овощей и фруктов. Более же всего исцелял страсти и немощи душевные.

Кончина земная преподобного сразу прославилась исцелением от святых мощей его. Тело святого Афанасия даже по прошествии трех дней со времени кончины источало свежую кровь. Лицо усопшего было белым как снег, благоухало. И после преселения в небесные обители святой Афанасий подавал и подает чудеса исцелений «всем, с верою к нему притекающим».

В «Завещании» святой Афанасий наставляет братию жить в любви и согласии, заповедует поставлять в игумены Лавры не кого-то «отъинуду, а из живущих в ней братий, отличающихся благоразумием и добродетелью». Афанасий просит поминать благодетелей Лавры, императоров Никифора Фоку, Иоанна Цимисхия и Василия Багрянородного. Замечательно, что они, столь непохожие друг на друга образом и мыслей и действий, относились к Лавре преподобного одинаково хорошо. Таков был его авторитет и таково было уже в то время значение Афона.

Преподобный трогательно перечисляет монахов, называет всех, обо всех находит добрые слова, оставляет после себя блюстителем (епитропом) монаха Иоанна.

Свидетель жизни преподобного – кипарис, посаженный, по преданию, самим Афанасием.

[1] В книге сохранена авторская орфография.

Отец русского иночества

Для святых нет расхождения в веках. Преподобного Сергия Радонежского, преподобного Серафима Саровского мы воспринимаем вне привязки к какому-то временному отрезку истории. Они и в вечности живут рядышком. И рядышком с ними и отец русского иночества преподобный Антоний Киево-Печерский. Из далекого для нас, а для Афона просто вчерашнего, десятого века сияет нам образ святого Антония.

Вообще нет необходимости подробно излагать жизнеописания святых. Сегодня издается много святоотеческой литературы. Вновь выходят «Жития святых» святителя Димитрия Ростовского, книги о русских монастырях, сегодня нам важен факт связи того или иного святого с Афоном.

В десятом веке слава об Афоне была повсеместна. К преподобному Афанасию притекали отовсюду: из Рима, Македонии, Италии, Грузии, Армении и, конечно, Болгарии и России. Почему «конечно»? Потому что Афон для славян был, как тогда выражались, «рассадником иночества и благочестия». К одиннадцатому веку были монастыри – болгарский Зограф и русский Ксилургу.

Слух о святой жизни монахов Эгейского моря дошел и до града Любеча, что близ Чернигова, и коснулся сознания юноши по имени Антипа. В его младенческих годах свет Христов пришел на Русскую землю. Начиналось на Руси и «поучение книжное». Кто бы мог предугадать, что юный отрок вырастет в великого старца, наставника монахов, духовного отца киевских князей, особенно боголюбивого князя Изяслава.

С отрочества Антипа стремился к тишине и спасению души. И вознамерился обрести это на Афоне. Он обошел все места поселения монахов на Святой Горе, воспламенился желанием остаться здесь и просил постричь его в иноческий образ. Его, по преданию, постриг игумен Эсфигнема Феоктист и нарек Антипе имя Антоний. Немалое время пробыл Антоний, мужая в молитвенных подвигах, но вот игумен призвал его и возложил послушание – идти в Россию, дабы и там послужить Богу. Известно, какие трудные времена были тогда в Святой Руси. На берегах Днепра Антоний отыскал место, похожее на склоны Афона, занял варяжскую пещеру, которая отныне стала убежищем молитвы, а не вертепом разбойников и не кладовой для награбленного.

Летописи (преп. Нестор) не сообщают, где встретил святой Антоний братоубийственную смуту, в которой погибли первые русские святые Борис и Глеб, но мы знаем, что нестроения, наступившие после кончины великого князя Владимира, вынудили Антония вновь удалиться на Святую Гору. И вновь прошло немало лет. И вновь откровением свыше он был возвращен в Киев. В этот раз он водворился в пещеру в дремучий лес у селения Берестово, куда Божиим смотрением собрались к нему русские молитвенники, многие из которых становились иноками.

При их пострижении всегда говорил: «Бог вас собрал, братие, а я вас постригаю по благословению Святой Горы, которым я и сам пострижен от ея игумена».

Копая новую пещеру или закладывая новый храм, святой всегда восклицал: «Да будет на сем месте благословение Святой Афонской и молитва моего отца, меня постригшего. Благослови, Господи, мое вселение здесь!»

Скажем словами Святогорца: «С киевских гор, как светильник с высокого свешника, преподобный Антоний разливал во все стороны земли Русской немерцающий свет святой иноческой жизни».

Отошел преподобный в вечность в 1073 году. Память его ежегодно празднуется на Афоне, особенно в монастыре Эсфигмен. Над пещерою, в которой он, по преданию, отшельнически подвизался, воздвигнута церковь его имени.

Монастыри-братья

В семидесятых годах десятого века основан монастырь Ватопед. Пожар уничтожил свидетельства его раннего периода, но факт созидания достоверен. Немного позже или одновременно основаны тогда же греческие монастыри Ксиропотам, Зограф, славянская обитель Фессалоникийца с главным храмом во имя Святого великомученика Пантелеимона. Далее следуют монастыри Преподобного Павла Ксиропотамского, а на рубеже десятого и одиннадцатого веков создаются монастыри Преподобного Ксенофонта и монастырь Дохиар.

Одиннадцатый век еще более оживлен приходом на Афон новых насельников и, как следствие, созданием новых обителей.

Из земли и камней Афона возникают и устремляются к небесам монастыри Эсфигнем, Каракал, Кастамонит, Филофей, Симонопетр. В конце одиннадцатого или в начале двенадцатого созидается Кутлумушская обитель. Еще позднее (1347 г.) монастырь преподобного Григория (Григориат), Пантократор (ок. 1363 г.), преподобного Дионисия, Дионисат, (ок. 1370). В 1541 году скит Ставроникита, образованный в одиннадцатом веке, был преобразован в монастырь.

Такое количество монастырей, большое число монахов, а в их числе было немало и тех, кто желал отшельничества, не могло не привести к накапливанию недоразумений по вопросу владения землей, зданиями. После смерти императора Никифора Фоки некоторые афонские монахи выступали против возвышения Великой Лавры, ее власти над всеми.

Император Иоанн Цимисхий, покровительствуя Афону и не желая осложнений его жизни, направил к монахам преподобного Евфимия, насельника Студийского монастыря. Вдумчивый и доброжелательный Евфимий с одобрения императора разработал первый документ монашеского сообщества, известный как Типикон Иоанна Цимисхия, 972 г.

В просторечии Типикон назывался Трагос. Слово «трагос», в переводе с греческого, означает «козел», так как Типикон был написан на выделанной козлиной шкуре. Типикон защищал интересы и монастырей, и отшельников, и небольших групп анахоретов, келлиотов. Раз в году, на Успение Пресвятой Богородицы, назначались общие собрания, на которые выносились вопросы, не решенные внутри монастырей. Типикон воспрещал селиться в монастыре без решения прота и благословения игумена. Вновь пришедший был обязан найти духовного наставника и пройти под его водительством год послушания. Монахам запрещалось крестить детей и вообще вступать в какие-то отношения с мирянами, гостить у них, запрещалось покидать монастыри, особенно в дни святой Четыредесятницы, торговать с мирянами, перепродавать свои участки. Категорически запрещалось постригать в монахи безбородых юношей и евнухов. Виновники раздоров выгонялись неукоснительно.

Оговаривалось в Типиконе правило принимать в монастырь без ограничения представителей всех национальностей. Греки, грузины, болгары, румыны, русские, итальянцы, египтяне стекались сюда, как говорили ранее, «от всех четырех ветров». На рубеже десятого-одиннадцатого веков на Афоне подвизалось около трех тысяч иноков.

В начале правления Константина Мономаха (1042 г.) светским властям вновь пришлось заняться устройством афонской жизни. Дело в том, что Типикон Цимисхия не был так строг, как того хотели бы истинные подвижники. На Афоне вовсю шла торговля, несколько сот семейств пастухов – влахов даже поселилось на его территории. Особые условия для себя выговорили монастыри Ватопед, Великая Лавра, и это тоже вызывало раздоры.

Типикон Константина Мономаха не заменял Типикон Цимисхия, но дополнял и ужесточал его. Патриарх Николай III Грамматик издал указ об удалении пастухов – влахов с Афона, об изгнании со Святой Горы безбородых и евнухов. На Афоне распространились подложные грамоты и анафемы, произведенные якобы патриархом. Жалобы от некоторых

иноков на патриарха достигли императора. Последовал, после разборки, приказ о безусловном подчинении Афона императору.

Это было уже при начале византийской власти Комнинов, при императоре Алексии, положившем курс на сближение церкви и престола. Монахам было приказано вернуться на Афон.

Афон расширялся и количеством монахов, и числом зданий, и укреплялся молитвенным духом. Но наступили тяжкие времена нашествия на монахов приспешников Ватикана – латинян.

Захват Константинополя

1204 год. Это год тяжелейший для Православия. Впавший во вселенскую гордыню Ватикан начинал учить жить только по его установкам. Константинополь был захвачен, разграблен, подчинен католичеству. Византийская империя была разделена на королевства, а религиозная жизнь попала под регламентацию католиков. Святая Гора оказалась в Фессалоникийском королевстве, и во власти католического титулярного Самарийско-Севастийского епископа. Тогдашнее время – разгул грабежей якобы цивилизованных крестоносцев, якобы освободителей Гроба Господня от турок. Справедливости ради надо сказать, что, когда безчинства латинян достигли огромного размаха, когда вблизи Афона был построен разбойничий замок Франкокастро, монахов защитил папа Иннокентий III. Он в ответ на жалобу афонцев осудил в своем послании (1213 г.) безчинства «врагов Бога и Церкви». Более того, он гарантировал монахам сохранение тех привилегий, которые были даны византийскими императорами. Помогали Афону и тогдашние православные правители Болгарии и России.

Восстановление Византийской империи (1261 г.) значительно облегчило участь Афона. Но ненадолго. Император Михаил Палеолог наивно рассчитывал получить выгоды от сближения с Западом. Церковная уния Лионского собора (1274 г.) обязывала поминать императора-униата, а это не могли принять монахи – хранители благочестия.

Михаил явился на Святую Гору лично. Убеждал монахов в правильности унии. Но монахи Великой Лавры, Ватопеда, Ксенофонта, Иверона, Зографа стояли насмерть. Предание говорит о жестокости Михаила по отношению к непокорным.

Однако сын Михаила Андроник Палеолог был противником унии, проявлял заботу о Святой Горе. Как и правители Сербии, Болгарии, Валахии. При Андронике появился статус автономных, ставропигиальных, монастырей. Это означало непосредственную подчиненность их юрисдикции Константинопольского патриарха. Такое решение императора не только не вызвало возражения на Афоне, но даже получило монашеское одобрение. Но и Андроник не уберег монастыри от нашествия теперь уже каталанских наемников, которым поверил. Наемники (1307 – 1309 гг.) грабили не меньше, чем крестоносцы.

К концу тринадцатого века относится вторжение на Святую Гору папистов. В «Афонском патерике» ему уделен большой раздел. Кажется, не осталось монастыря, скита, келлии, не оскорбленных латниками латинян.

Кратко говоря: греки и болгары жили немирно, но общая беда – нападения латинян – заставила забыть распри. Соединяясь, болгары и греки освободили Фригию, захваченную Римом, а потом вновь поссорились. Болгары вторглись в греческие пределы. Палеолог просил защиты у папы. Западные государи-католики двинулись на Константинополь. По пути вошли на Святую Гору. Пощадив Лавру святого Афанасия, они грабили остальные монашеские поселения. Монахов Иверской лавры латиняне посадили на корабль, вывезли в море и потопили. Молодых монахов, совлекши с них иноческие одежды, увезли в Рим и продали в рабство иудеям.

Монахи Ватопеда успели укрыться, но остались больные и немощные. Латиняне вопрошали их, где остальные. В ответ им было сказано: «Они укрываются, чтобы сохранить веру и не осквернить общением с богомерзкими». Латиняне умертвили святых исповедников и ринулись искать укрывшихся монахов. Некоторых отыскали и пытали. Не добившись признания папы наместником Христа, паписты повесили иноков на месте, которое доныне называется Виселичной горой.

Перейдя на другую сторону полуострова, иноверцы ворвались в обитель святого великомученика Георгия, монастырь Зограф. Одному духоносному старцу был глас от иконы Божией Матери, предупреждавший о скором приходе богомерзких папистов. Старец поспе-

шил в Зограф. Придя, он увидел икону над монастырскими вратами. Игумен Зографа Фома обратился к братии со словами о краткости земных мучений и о блаженстве вечной жизни со Христом.

Еретики начали с увещеваний, с уговоров: брить бороды, произносить Символ веры с добавлением католического филиокве, на проскомидии приносить пресный, а не квасной хлеб. Монахи были непреклонны, называли пришедших богоборцами и духоборцами. «Вам, окаянным, лучше бы не бороду, а язык обрезать, чтобы он не произносил хулы на Духа Святаго».

Закрывши монахов в церкви, паписты обложили ее хворостом и зажгли. И молитвы монахов восходили к небесам вместе с дымом от огня, в котором они сгорали. В «Патерике» описано, как среди пламени виделись на пирге (башне) монахи, которые, подобно вавилонским отрокам при царе Навуходоносоре, возсылали свои молитвы ко Христу, моля его спасти Церковь православную: «Ты, Господи, излиявый пречестную кровь свою ради церкви Твоея и рекий, яко врата адовы не одолеют ю, сохрани церковь Твою от волков, губящих ю».

По окончании молитвы был слышан голос свыше: «Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех». Голос этот ужаснул нечестивых. Ужаснул, но не образумил. Еще долго продолжались грабежи и убийства.

В огне перешли в жизнь вечную двадцать два монаха и четыре мирянина. Память пострадавших празднуется в первое воскресение после воскресения Всех святых.

Есть православные определения впавших в гордыню. Это прелесть, это самомнение, это ревность не по разуму. Но в отношении католиков, протестантов просится очень точное русское слово: упертость. Века и века противостояния Православия и папства должны же были убедить Ватикан в безполезности наступлений на нас. Но не вразумляются. Сбывается на них мудрое изречение: «Кого Бог хочет наказать, лишает того разума».

Дай им, Боже, вразумления. Ну никогда, ни за какие коврижки не будут афонцы облатинены.

Расцвет монашеской жизни

Века с тринадцатого по пятнадцатый благоденственны для Афона. Здесь мы сразу вспоминаем преподобного Никифора, назвавшего себя Уединенником. Вышедший из латинян, он перешел в Православие и всегда говорил о единственно возможном спасении только через веру православную. Он учитель другого вселенского учителя Православия – Григория Паламы.

К душеполезному наследию Святой Горы времен второй половины тринадцатого века относится свиток Никифора Уединенника «Слово о трезвении и хранении сердца многополезное». Оно включено в пятый том «Добротолюбия». Путь к духовному совершенству преподобный Никифор называет вниманием. И объясняет это так: «Внимание некоторые из святых называли блюдением ума, иные – хранением сердца, иные – трезвением, иные – смысленным безмолвием, а иные – еще иначе как. Но все сии наименования одно и то же значат. Как о хлебе ни говорят – укруг, ломоть, кусок, – все будет хлеб. Так и о сем разумей».

Каким образом можно достигнуть такого внутреннего делания? Преподобный отвечает: «Собрав ум свой к себе, понудь его войти в сердце и там остаться». И продолжает: «Когда же ум твой утвердится в сердце, то ему там не следует оставаться праздным, но непрестанно творить молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! И никогда не умолкать. Ибо это, содержа ум немечтательным, делает Его неуловимым и неприкосновенным для прилогов вражеских и каждодневно все более и более вводит в любовь и вожделение Бога».

И далее, как итог: «Придет же к тебе, при многовожделенном и сладостном внимании, и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и прочие, ради коих потом всякое твое прошение исполняемо будет, о Христе Иисусе, Господе нашем, с Коим Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Два Григория

Григорий Синаит

Во времена Андроника Палеолога Григорий Синаит вместе с родителями был взят турками в плен и привезен в Лаодикию. Члены Лаодикийской общины выкупили пленных христиан. Григорий удалился на Кипр, где, по Промыслу Божию, пришел к отшельнику-монаху и обучался у него. Сделавшись искусным в монашеской жизни, Григорий сделался также и известным. Тогда он убежал от мирской славы на Синай, где приводил в изумление тамошних монахов своими молитвенными трудами: его пост, бдение, всенощные стояния превосходили всякое описание. Патриарх Константинопольский Каллист, написавший Житие святого Григория, замечает вначале, что молчать об истине, значит, грешить против нее, и рассказывает о святом:

«Ввечеру, получив благословение от настоятеля, входил в свою келлию и закрывал за собою дверь. Здесь коленопреклонения, псалмопения, воздеяния рук к Богу, с устремлением всего ума к Нему, продолжались до удара к утрени. Он первый приходил к дверям церкви, пришедши, уже не выходил из нее прежде окончания службы. Выходил из храма последним. Пища его состояла из ломтя хлеба и воды».

Описываются в Житии и восхождения Григория на Синай, а также и то, как посеял враг нашего спасения плевелы зависти в иноках, как Григорий тайно удалился из монастыря. Он посещает Иерусалим. Поклонясь Земле Спасителя, он отправился на Крит, причалив к берегу в том самом месте, которое из Апостольских Посланий известно названием «Хорошие пристани». И здесь Господь послал Григорию наставника, духоносного старца Арсения. Старец повел с Григорием разговор об опыте молитвы, о хранении и очищении ума, о трезвении, о возможности сделать ум световидным. Григорий, пав к ногам старца, просил научить его умному деланию и объяснить созерцание.

Старец Арсений много времени провел с Григорием. Особо предупреждал о неисчислимых способах нападений лукавого на тех, кто становится на путь умного делания. О том, что завистливые люди как раз и есть орудия нечистого.

Благословленный старцем, Григорий отплыл на Святую Гору. Обойдя ее, нашел скит Магула вблизи Филофеевской обители, а в нем трех монахов: Исаию, Корнилия и Макария. Они также упражнялись в умной молитве, пытаясь соединить ум с духом и пригвоздить его ко кресту Христову. Они сразу узрели в Григории старшего и просили о духовном их окормлении. Жизнеописатель подвигов Григория Синаита рассказывает много случаев, когда подтверждались слова апостола о том, что святой Григорий иногда не знал, где он, молясь: «аще в теле, или кроме тела» (2 Кор. 12, 2).

Кроме названных трех учеников у святого были еще и еще ученики. Герасим, которого называют отсветом Герасима Иорданского. Позднее он также создает обители благочестия в Элладе, как некогда святой Герасим в Палестине. Называются его учениками славные подвигами Иосиф и Николай. Последнего патриарх Иосиф уговаривал принять архиерейский сан, но Николай удалился на Святую Гору. Марк, Иаков, Аарон, Моисей, Логгин, Исаия, Климент – это все великие молитвенники, исихасты, выросшие под отеческим водительством Григория Синаита. Но разве мог быть диавол равнодушен к такому умножению молитвы. Завистники кричали Григорию: «Не учи нас тому, чего мы не знаем», – то есть отказывались от спасения. Святой решил вернуться на Синай, чтобы там вновь быть в уединении. Но уже тогдашние агаряне захватили синайские пределы. Григорий уходит в Солунь, далее в Константинополь и Созополь, где создает сто тридцать так называемых «Трезвенных глав», уче-

ние духовного делания и созерцания. Затем вновь любимый Афон, но уже не прежнее место, а скрытое, на горе, которая так и называлась – Скрытная. Здесь он нашел покровительство болгарского царя Александра, здесь вновь умножилось число его учеников, здесь он мирно окончил свои земные дни. Учение Григория Синаита, говоря словами Псалмопевца: «во всю землю изыде и во всю вселенную сила глаголов его» (Псал. 18, 5)

Идеалом исихастов после Григория стала скитская жизнь, при которой они безмолствовали, молились и трудились уединенно, а под вечер субботы собирались для совместного богослужения, исповеди и причастия.

Второй Григорий – Григорий Палама

Второй Григорий – Григорий Палама. Именно памяти о нем и его учении посвящена целая неделя Великого поста. Палама дал богословское обоснование исихастской практике. Он был сыном приближенного к императору государственного деятеля, который перед кончиной удалился от мира и принял иноческий облик с именем Константина. Конечно, у такого отца и должен был быть такой сын, как Григорий.

Император Палеолог приблизил Григория к себе, щедро награждал его, но уже с юности Григорий тянулся к святогорцам, которые были нередкими гостями императора. Дорогие одежды придворного Григорий сменил на простое платье, питался крайне скудно, даже на трапезах во дворце удовольствовался только хлебом и водой. Дивно ли, что он подвергался насмешкам и считался чуть ли не умалишенным. Император призывал Григория к себе, уговаривал принять на себя обязанности придворного, но ничто уже не могло остановить Григория на его пути. Уже и многие домашние его подражали ему. Поэтому, когда Григорий в 1317 году объявил, что движется на гору Афонскую, то многие пошли с ним, и с ним вселились в обитель Ватопедскую.

Житие преподобного Григория Паламы повествует о том, что ему в его трудах всегда сопутствовал святой Иоанн Богослов. От того, что Григорий всегда взывал к нему и просил: «Просвети тьму мою». Всего на Афоне Палама пробыл в общей сложности двадцать лет. Во время его игуменства в Эсфигменском монастыре было видимое всеми чудо умножения елея, когда в нем была крайняя нужда. Святой Григорий с братией пришел в подвал, где хранились сосуды с елеем, сотворил молитву, и на глазах у всех пустой сосуд наполнился елеем. Узнавши же, что причиной недостатка в елее является скудное плодоношение маслин, святой обошел посадки маслин с молитвой, и с тех пор они всегда плодоносили.

Упросив братию снять с него игуменство, Григорий поселяется в скиту святого Саввы. К этому времени относится его полемика с Варлаамом Калабрийским о нетварных энергиях.

В 1325 году Григорий на пять лет уходит в Фессалонику, затем возвращается и поселяется близ Великой Лавры, где создает свои новые труды. В том числе «Житие святого Петра Афонского» и сочинения по исихазму. Многие скорби пришлось выдержать святому: и нападки от врагов (он переживает плен у агарян), и гонения от своих. Солуняне, где он был архипастырем, вынуждали его удаляться от них на остров Лемнос, затем сами солуняне, пристыженные совестью и узнавшие о чудесах святого, вновь, с поклоном, призвали его к себе.

От многотрудных подвигов святого Григория Паламы остался составленный им так называемый «Святогорский свиток». Под свитком поставили подписи игумены монастырей: Великой Лавры, Ватопеда, Эсфигмена, Кутлумуша, Иверского и Хиландарского. Константинопольский собор 1341 года оказал Григорию Паламе поддержку решающим большинством. На этом соборе помощь святому оказывала большая группа афонцев, специально приехавших для подтверждения верности учения Григория Паламы.

В четырнадцатый день ноября 1360 года, а этот день святой Григорий заранее назвал сам, он отошел ко Господу. Уста его непрерывно шептали молитвы, а последними словами были: «В горняя, в горняя!» Комната озарилась неизъяснимым сиянием и благоуханием.

Отметим, что примерно в это время на Афоне побывал архимандрит Нижегородского монастыря Досифей. Он учился практике «умной молитвы», а для назидания русских монахов описал келейное правило святогорцев. Он сообщил, что монахи, живущие келейно, каждый день прочитывают половину Псалтыри и шестьсот Иисусовых молитв, тогда как у нас тогда Псалтырь вычитывалась по кельям только Великим постом. И уже в пятнадцатом

веке в русских монастырях было распространено афонское молитвенное правило, описанное Досифеем.

Но договорим о достославном Григории Паламе. Ровно три века спустя, день в день, в разгар наступления латинян на Православие, когда они нечестиво говорили, что нет более в Восточной церкви святых и святости, тогда им ставили на вид многих святых, в том числе и Григория Паламу. Но они все равно кощунствовали. Так вот, тогда имело место быть такое событие.

На острове Санторини франки разгулялись. В безветренную погоду нагрузились они винами и закусками и кричали богохульно: «Анафема Паламе! Если он свят, пусть он нас утопит»! Тем самым они произнесли себе приговор. Как говорится, сами напросились на желаемое отмщение. «Пучина, – пишется в Житии святого, – зевнула, и несчастные, вместе с лодками, погрузились в море». Это широко известное чудо наказания за кощунство подтверждает Иерусалимский патриарх Досифей.

Честные мощи святого Григория Паламы почивали в митрополичьем храме Солуни. В пожаре 1890 года они остались целыми.

Проповедника Божественной Благодати, Нетварного Света святителя Григория Паламу и возродителя умного делания Григория Синаита объединяет еще и келлия «Панагица». В пещерах около нее они и подвизались. Это южная часть Святой Горы. На пути из монастыря Симона Петра в монастырь Григориу, около тропы, проложенной по ущелью, названному в честь подвижников Ущельем исихастов, находятся эти пещеры. В 1990 году келлия сгорела, но после долгих трудов восстановлена.

Блаженный Арсений

Мы немного знаем о преподобном Арсении Коневском. «Афонский патерик» делает предположение, что инок Арсений подвизался в Старом Русике. Пришел он на Святую Гору в конце четырнадцатого века. Он из Великого Новгорода. С отроческих лет возлюбил монашескую жизнь, уединенную и общежительную молитву. Обитель на Лисьей горе стала первой его пристанью на пути к Афону. Мысль об Афоне зародили афонские монахи, посетившие Великий Новгород. Беседы с ними зажгли в сердце юного инока пламень желания поселиться на Святой Горе. Со слезами молил он игумена благословить его на дорогу вместе с афонскими монахами. Игумен долго не соглашался, ибо чувствовал, какое это лишение для обители, но наконец уступил слезному прошению.

На Афоне святой Арсений со смирением нес самые различные послушания: выпечку хлеба и просфор, плотничал и столярничал, работал в лесу и на огороде. Но особенно отличался в кузнечном искусстве. Он так замечательно выковывал медные сосуды для монастырских потребностей, что заказы к «русскому кузнецу» шли со всего Афона. Чтобы не обременять свой монастырь нашествием заказчиков, преподобный Арсений, с благословения игумена, решился обойти все монастыри, чтобы в каждом изготовить необходимую в богослужебном и хозяйственном обиходе утварь из меди.

В таковом подвиге преподобный пробыл три года. Когда посещаешь монастыри Святой Горы и видишь искусно выкованные медные сосуды: кувшины, чаши, блюда, тазы, невольно думаешь, что это работа русского мастера, новгородского и афонского монаха Арсения.

Игумен Иоанн, исполненный прозорливости, пророчески возвестил Арсению, что ему надлежит возвращаться на родину, где он, в стране северной, воздвигнет обитель во славу Божией Матери. Он благословил святого двухсторонней иконой – Божия Матерь с Предвечным Младенцем с одной стороны и Спас Нерукотворенный – с другой. Вручил Арсению Устав Святой Горы и возвестил: «Боже, отец Наших, призри от престола славы Твоея на раба Твоего Арсения, да почиет на нем благодать Духа Твоего Святаго и пребудет с ним благословение Твое».

В 1393 году блаженный Арсений вернулся в Великий Новгород, неся с собою чудную икону. Архиепископ Новгородский Иоанн благословил его на создание обители во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Отплывши в Ладожское озеро, святой некоторое время пробыл в обители Валаамской, а затем решился искать еще более уединенного места. Сел в ладью, взялся за весла и стал грести в направлении пустынного острова Коневского. Там еще были идольские капища и так называемые, языческие требища, которые от явления святой иконы и от молитв преподобного разрушились.

К великому молитвеннику на свет его всечестного жития потянулись иноки, чающие спасения, и миряне, желающие послушания и пострига. Братия росла численностью, остров покрывался церковными строениями и кельями.

Но велик был в преподобном зов Святой Горы. И он пошел на Афон, благословенный уже новым архиепископом Новгородским Симеоном. А при его отсутствии Коневская обитель оскудела, да до такой степени, что иноки уже хотели разойтись, проситься в другие монастыри. Но один из старцев, богодухновенный Иоанн, просил братию повременить. Он взошел на высокую гору рядом с обителью и молил Божию Матерь о том, чтобы настоятель обители преподобный Арсений вернулся в нее. После долгой молитвы старец воздремал, и ему в тонком сне Божия Матерь тихим голосом заповедала не уходить братии с сего места, ибо вскоре прибудет и сам Арсений.

И точно! Вскоре на двух больших судах, с припасами еды вернулся в созданную им обитель святой Арсений.

После многолетних подвигов, в глубокой старости, в 1447 году, 12 июня, отдал старец Богу душу. Как раз в день памяти преподобных Онуфрия и Петра Афонских, по примеру коих он удалялся на Святую Гору.

Первый русский скитоначальник

Так называют святогорца Нила Сорского. Личность удивительная, поклонения достойная! Сам преподобный Нил называет себя невеждою. Но его сочинения, его жизненный путь говорят, что Святую Русь озарил своим подвигом муж достойнейший. Сейчас пустынь Нила Сорского возрождается в былой славе. А при большевиках была разорена, унижена, превращена в психиатрическую больницу. Помню, посещение ее оставило след мистического, предреченного пророком Даниилом, зрелища. В центре, внутри монастырских стен, возвышалась огромная, выкрашенная под бронзу статуя главного большевика, вокруг бродили тени несчастных душевнобольных, лишенных пастырского окормления и церковных таинств.

Местность пустыни и доселе удивляет трудностью проживания в ней: болото, чахлая северная растительность, летом гнус, зимой жестокие морозы. Именно сюда ушел инок обители Белозерского монастыря. В ней он получил и постриг, и из нее он уходил на Святую Гору.

Как райская пчела, пишется в «Афонском патерике», носился он среди дивных старцев афонских и одарил наше русское иночество опытом скитского жития. Если преподобного Антония мы называем первоначальником иночества в России, то преподобного Нила, по всей справедливости, можно назвать первенцем скитского подвижничества. Не только вычитанные им из древне-монашеских уставов образы скитского безмолвия, но и изученная собственным опытом скитская жизнь укрепили преподобного в правильности созидания скита на родной русской земле.

Сколько он пробыл на Афоне, патерик не сообщает, но известно, что было это в середине пятнадцатого века. Вернувшись в Россию, он, с благословения, ушел в одиночество из монастыря в Кириллове на реку Сорку, в болотистую, безжизненную местность за пятнадцать верст. Установил крест, выкопал колодезь, поставил часовню, хотел жить один, но к нему собралась братия, и тогда они совместно поставили церковь.

«Теперь преселился я вдаль от монастыря, – писал преподобный одному из сподвижников, – нашел благодатию Божиею место, мало доступное для мирских людей… Живешь ли отшельнически или в общежитии, внимай Святому Писанию и следуй по стопам отцов. Святое Писание жестоко лишь для того, кто не хочет смириться страхом Божиим и отступить от земных помышлений, жить по своей воле. Писание не для нас писано, но должно быть исполняемо и в наше время. Слова Господни всегда будут для нас словами чистыми, как очищенное серебро, заповеди Господни для нас дороги более, чем золото и драгоценные каменья, сладки более, чем мед».

И опять же – не мог светильник укрыться даже в таких глухих местах. Жизнь преподобного изумляла современников. Учение преподобного Нила о нестяжательстве на все времена стала примером для монашествующих. Он учил до последней степени отложить мирские пристрастия и стремиться душой к одному горнему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.